

СИМОНА ДЕ БОВУАР

ВСЕ ЛЮДИ
СМЕРТНЫ

Издательство «Азбука»

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 72

Simone de Beauvoir
TOUS LES HOMMES SONT MORTELS
Copyright © Éditions GALLIMARD, Paris, 1946

Перевод с французского
Галины Соловьевой (пролог, части 1–3),
Елены Березиной (части 4–5, эпилог)

Оформление обложки Татьяны Павловой

Бовуар С. де

Б 72 Все люди смертны : роман / Симона де Бовуар ; пер. с фр. Е. Березиной, Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 480 с. — (Большой роман).
ISBN 978-5-389-29790-6

«Все люди смертны» — один из самых известных и необычных романов Симоны де Бовуар, французской писательницы, лауреата Гонкуровской премии, автора книги «Второй пол».

Знаменитая театральная актриса мечтает о вечной славе. Ее терзает мысль о том, что через сто лет никто не вспомнит ее имя, не останется людей, которые видели ее несравненную игру на сцене. В одном провинциальном городке она встречает странного человека, который, кажется, пребывает в вечном трансе. Он не ест, ни с кем не общается, не покидает дворик отеля даже во время сильного дождя. Заинтригованная Регина пытается ближе познакомиться с загадочным мужчиной и вскоре узнает, что перед ней единственный на свете бессмертный человек. Его взгляд — это пропуск в вечность. Регина просит Реймона Фоска рассказать историю его невероятной, пугающей жизни длиной в 670 лет. Италия, Франция, Испания, Южная Америка, Англия... Кажется, все важные события западного мира прошли сквозь Реймона Фоска, словно песок сквозь пальцы, не оставив ему ничего, кроме тоски... и воспоминаний.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-29790-6

© Е. Н. Березина, перевод, 2010
© Г. А. Соловьева, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ

Глава 1

Поднялся занавес. Регина поклонилась и улыбнулась; в свете большой люстры на разноцветных платьях и темных пиджаках мерцали розовые пятна; на лицах проявились глаза, и в каждом зрачке кланялась и улыбалась Регина; раскаты водопада, грохот лавин наполнили старый театр; непреодолимая сила оторвала ее от земли, метнув в небо. Она вновь поклонилась. Занавес опустился, и она, ощутив, что держит Флоранс за руку, порывисто высвободилась и направилась к выходу.

— Пять вызовов, это хорошо, — сказал режиссер.

— Хорошо для провинции.

Она спустилась по ступенькам, ведущим в фойе. Они ждали ее с цветами; разом она вновь спустилась на землю. Когда они сидели в тени, невидимые, безымянные, было неизвестно, кто они; можно было представить, что ты перед сонмом богов; но стоило увидеть их по отдельности, и ты тотчас оказывался перед жалкими, незначительными людьми. Они говорили то, что положено: «Гениально!», «Потрясающе!» — в глазах их светился энтузиазм; тусклый огонек, который зажигался лишь по определенным случаям, из экономии, и его гасили, едва отпадала надобность. Они окру-

жили и Флоранс, они принесли ей цветы, а чтобы заговорить с ней, затеплили в глубине глаз огонек. «Будто можно любить нас обеих!» — с гневом подумала Регина. Брюнетка и блондинка — такие разные и завершенные типажи! Флоранс улыбалась. Ничто не препятствовало ей поверить, что она не менее талантлива, чем Регина, и столь же красива.

Роже ждал Регину в ее гримерной; он обнял ее со словами:

— Сегодня ты играла хорошо, как никогда!

— Слишком хорошо для такой публики, — заметила Регина.

— Тебе так аплодировали, — вставила Анни.

— О, Флоранс они аплодировали ничуть не меньше.

Усевшись перед зеркалом, Регина принялась расчесывать волосы, а Анни расстегивала на ней платье. Регина подумала: «Флоранс нет до меня дела, так с чего мне беспокоиться о ней...» Но мысли о Флоранс все же не выходили из головы, и в горле оставался горьковатый привкус.

— Это правда, что Санье здесь? — спросила она.

— Да. Он прибыл из Парижа восьмичасовым поездом. Приехал провести уик-энд вместе с Флоранс.

— Он действительно влюблен, — заметила Регина.

— Поговаривают.

Она встала, спустив платье на пол. Санье ее мало интересовал, он даже казался ей несколько нелепым; и все же слова Роже задели ее.

— Интересно, что об этом скажет Маско?

— Он много чего прощает Флоранс, — откликнулся Роже.

— Так Санье не против Маско?

— Полагаю, он не в курсе, — ответил Роже.

— Я тоже так полагаю, — сказала Регина.

— Они ждут нас в баре «Руаяль», чтобы пропустить по стаканчику. Мы идем?

— Ну конечно. Пойдемте.

Свежий ветер поднимался от реки к собору, к его проступавшим в темноте резным башням. Регина вздрогнула.

— Если «Розалинда» пройдет успешно, я зарежусь гастролировать в провинции.

— Пьесу ждет успех, — подтвердил Роже. Он сжал руку Регины. — Ты будешь большой актрисой.

— Она уже большая актриса, — сказала Анни.

— Спасибо, вы очень любезны.

— А ты что, не согласна с нами? — спросил Роже.

— Да что это доказывает? — бросила она, поплотнее закутав шею шарфом. — Необходим знак. К примеру, ореол над головой, вот тогда понимаешь, что ты Рашель или сама Дузе...

— Будут тебе знаки! — весело откликнулся Роже.

— Как знать. Тебе хорошо, ты не честолюбив.

Он рассмеялся:

— А кто тебе мешает следовать моему примеру?

Она тоже усмехнулась, только не слишком весело.

— Я сама, — сказала она.

В конце темной улицы светился вход. Это был бар «Руаяль». Они вошли. Регина тотчас заметила их — они сидели за столом вместе с другими членами труппы. Санье приобнял Флоранс, он держался очень напряженно в своем элегантном английском драповом костюме и смотрел на Флоранс хорошо знакомым Регине взглядом, она часто подмечала такое выражение

у Роже; Флоранс смеялась, обнажая в улыбке красивые, по-детски мелкие зубы; она словно вслушивалась в слова, которые Санье только что произнес или вот-вот произнесет: «Ты будешь большой актрисой. Ты не похожа на других женщин». Регина сидела рядом с Роже. «Санье ошибается, — думала она, — Флоранс тоже ошибается; она всего лишь бездарная девчонка; никто из женщин не может сравниться со мной. Но как доказать это? В ней, как и во мне, живет уверенность в собственных силах. И потом, ей до меня нет дела, тогда как меня она ранит в самое сердце. Но я еще всем покажу!» — мысленно поклялась она.

Она достала из сумки маленькое зеркальце и приоткрылась, что подкрашивает губы; ей необходимо было видеть себя; Регине нравилось собственное лицо: блестящие светлые волосы, твердый очерк высокого лба и носа, чувственность рта, смелое выражение синих глаз; она была красива яркой, особенной красотой, которая сразу бросалась в глаза. «Ах, если бы я могла раздвоиться! — подумала она. — Раздвоиться на ту, что говорит, и ту, что слушает, ту, что живет, и ту, что смотрит, как бы я себя любила! Я бы никому не завидовала». Она закрыла сумочку. В эту минуту тысячи женщин самодовольно улыбались собственному отражению.

— Потанцуем? — предложил Роже.

— Нет, не хочется.

Санье и Флоранс поднялись и пошли танцевать; танцевали они неважно, но они не знали об этом и были счастливы, в их глазах сияла вся мощь любви; великое действо разворачивалось между ними так, словно на земле это случилось впервые и словно до них Реги-

на никогда не любила. Все как в первый раз, в смятении и нежности мужчина возжелал женщину, и в первый раз женщина, оказавшись в объятиях мужчины, ощутила себя воплощенным божеством. Расцветала новая весна, единственная, как всякая весна, а Регина была уже мертва. Она стиснула кулаки, вонзив в ладони острые ногти. Отрицать бесполезно; никакой успех, никакой триумф не могли помешать тому, что в этот миг Флоранс царила в сердце Санье. Не выношу ее, терпеть ее не могу!

— Хочешь вернемся? — предложил Роже.

— Нет.

Регине не хотелось уходить; ей хотелось наблюдать за ними. Глядя на них, она думала: «Флоранс лжет Санье; Санье заблуждается насчет Флоранс, их любовь основана на недоразумении». Но стоит оставить их наедине: Санье, не ведающего о двуличности Флоранс, и Флоранс, избегающую думать об этом, — их любовь будет невозможно отличить от подлинной большой любви. «Ну почему я такая? — думала Регина. — Когда люди рядом со мной живут, когда они влюблены и счастливы, мне кажется, что они убивают меня».

— Вы что-то сегодня грустны, — сказал Санье.

Регина вздрогнула. Они смеялись, танцевали, выпили несколько бутылок вина. Дансинг уже почти опустел; она не заметила, как прошло время.

— После спектакля мне всегда грустно, — сказала она, силясь улыбнуться. — Вам хорошо, вы писатель: книги останутся навсегда, а вот нами восхищаются недолго.

— Разве это важно? — сказал Санье. — Важно, чтобы вам удавалось то, что вы делаете.

— Зачем? Для кого?

Он был чуть-чуть пьян; лицо его оставалось бесстрастным, будто вырезанным из дерева, но на лбу обозначились прожилки. Он тепло произнес:

— Я уверен, вы обе добьетесь исключительного успеха.

— Исключительного успеха добиваются многие! — парировала Регина.

Он рассмеялся:

— Вы слишком требовательны к себе.

— Да, это мой недостаток.

— Это первейшее достоинство.

Он дружелюбно смотрел на нее, и это было хуже, чем полное пренебрежение. Ведь он видел ее на сцене, мог оценить — и все же предпочел Флоранс. Правда, он был другом Роже, правда и то, что Регина никогда не пыталась соблазнить его. Хотя они были знакомы и он любил Флоранс.

— Спать хочется, — вздохнула Флоранс.

Музыканты уже укладывали инструменты в футляры и расходились. Флоранс удалилась под руку с Санье. Регина взяла Роже за руку; они двинулись по улочке вдоль свежоштукатуренных домов, украшенных вывесками, напоминавшими о цвете витражей: «Зеленая Мельница», «Синяя Обезьяна», «Черный Кот»; старухи, сидевшие на пороге домов, окликали их. Потом потянулись провинциальные улочки, дома с деревянными ставнями, в которых были прорезаны сердечки. Уже светало, но город спал. Отель спал. Роже, потянувшись, зевнул:

— Вот-вот засну.

Регина подошла к окну, выходившему в сад, и открыла решетчатую створку.

— Этот тип уже встал! — удивленно заметила она. — Почему он просыпается в такую рань?

Внизу в шезлонге расположился мужчина, застывший в неподвижности, будто йог. Она видела его каждое утро. Он не читал, не спал, ни с кем не разговаривал; он просто сидел, уставившись в небо, покоился без движения посреди лужайки с самого рассвета и до поздней ночи.

— Ты не идешь спать? — спросил Роже.

Она затворила вторую створку и закрыла окно. Роже улыбался ей. Сейчас она скользнет под одеяло, подсунет под голову подушку, он обнимет ее, и в мире останутся лишь они двое. А там, в другой постели, Флоранс рядом с Санье... Она направилась к двери:

— Нет. Пойду прогуляюсь.

Миновав площадку, она спустилась по тихой лестнице, где поблескивали медные обогреватели; ей было страшно погрузиться в сон; пока ты спишь, всегда найдутся те, кто не дремлет, и ты больше не властен над ними. Она отворила дверь, ведущую в сад, — зеленую лужайку в саду отеля, по стенам которого вились редкие плети дикого винограда, окружали посыпанные гравием дорожки. Она склонилась над шезлонгом. Лежащий человек даже не моргнул. Казалось, что он ничего не видит и не слышит. Завидую ему. Он и не знает, что земля обширна, а жизнь коротка; не знает, что существуют другие люди. Ему довольно этого квадрата неба над головой. Мне бы хотелось, чтобы любящая вещь принадлежала мне как самое дорогое на свете, но мне хочется всего и сразу, а руки мои пусты. Завидую ему. Он явно не ведает, что такое скука.

Запрокинув голову, Регина посмотрела на небо. Она попыталась сосредоточиться на мысли: вот я здесь, над

моей головой небо, и все, и достаточно. Но это было притворство. Ей не удалось отрешиться от образа Флоранс в объятиях Санье, Флоранс, которой нет до нее дела. Регина обвела взглядом лужайку. Мучительно знакомое ощущение. Она когда-то уже лежала на такой лужайке, прикинувшись щекой к земле, в тени травинки сновали насекомые, и лужайка представлялась огромным однообразным лесом, где тысячи маленьких зеленых лезвий торчат параллельно, неотличимые, заслоняя друг другу мир. У нее мелькнула тревожная мысль: не хочу быть травинкой. Она повернула голову. Мужчине тоже не было до нее дела; едва ли он отличал ее от деревьев и кресел, расставленных на лужайке: так, частица общей картины. Он раздражал ее; внезапно у нее возникло желание нарушить его покой и заявить о своем существовании. Оставалось только заговорить с ним; ничего сложного: люди отвечали — и тайна рассеивалась, они делались прозрачными и полыми; и тогда их можно было равнодушно отбросить подальше; это было настолько несложно, что подобная игра ее больше не забавляла, она была заранее уверена, что выиграет. Между тем этот неподвижный мужчина заинтриговал ее. Она вгляделась в него внимательнее. Крупный нос с горбинкой; незнакомец явно недурен собой, вероятно, высокий, атлетически сложенный; он был молод, по крайней мере кожа, цвет лица свидетельствовали о том, что это молодой человек. Он, похоже, вообще не замечал, что рядом кто-то есть; лицо его было спокойно, как у мертвеца, глаза пустые. Всматриваясь в его черты, она ощутила, как подкатывает какой-то страх. Регина выпрямилась, так и не сказав ни слова.

Должно быть, он что-то услышал. Он посмотрел на нее. По крайней мере, взгляд его остановился на ней. Она едва заметно улыбнулась. Взгляд мужчины уперся в нее с настойчивостью, которая могла показаться вызывающей, но он смотрел сквозь нее. Она не понимала, различает ли он вообще что-то; у нее мелькнула мимолетная мысль: разве я не существую? Разве это не я? Однажды ей довелось видеть такие глаза: отец, лежавший на кровати, держал ее за руку — и откуда-то из глубины гортани донесся хрип; он держал ее за руку, и руки больше не было. Регина застыла на месте, безгласная, безлика, безжизненная: обманчивая оболочка. И тут она пришла в себя, сделала шаг. Человек закрыл глаза. Если бы она не двинулась с места, они, вероятно, так бы и застыли рядом навеки.

— Какой странный мужчина! — заметила Анни. — Он даже не пошел завтракать.

— Да, странный, — откликнулась Регина.

Она протянула Санье чашку кофе. Сквозь стекла веранды был виден сад — хмурое небо, мужчина с темными волосами, в белой рубашке и фланелевых брюках в шезлонге. Он все так же глядел невидящим взором на квадрат неба. У Регины из головы не шел этот взгляд; хотелось бы знать, как выглядит мир, когда на него смотрят такими глазами.

— Просто неврастеник, — заявил Роже.

— Это ничего не объясняет, — возразила Регина.

— По-моему, он страдает от несчастной любви, — вмешалась Анни. — Что скажете, моя королева?

— Возможно.

Может, его глаза сковало неким видением, затянувшим их, как бельмо. Но что это за видение? И почему

оно возымело над ним такую власть? Регина провела рукой по лбу. Тяжело. Она почувствовала, как сдавило виски.

— Еще кофе?

— Нет, — ответил Санье. — Я пообещал Флоранс, что зайду за ней в три.

Он поднялся, и Регина подумала: теперь или никогда!

— Попробуйте убедить Флоранс, что эта роль не для нее, — сказала Регина. — Она совершит ошибку, причем без толку.

— Попытаюсь, но она упрямая.

Регина откашлялась. В горле стоял ком. Теперь или никогда. Не стоит смотреть на Роже, не стоит думать о будущем, и вообще ни о чем, надо прыгнуть.

— Необходимо изолировать ее от влияния Маско. Он дает ей скверные советы. Если она и дальше будет с ним, то загубит свою карьеру.

— Маско? — переспросил Санье.

Его верхняя губа вздернулась, приоткрыв зубы, — это была его манера улыбаться; однако сам он покраснел и на лбу обозначились вены.

— Как, вы не знаете?

— Нет, — сказал Санье.

— Это ни для кого не секрет, они уже два года вместе. Он был весьма полезен Флоранс, — добавила она.

Санье одернул пиджак.

— Я не знал, — с отсутствующим видом произнес он и протянул руку Регине. — До скорого.

Рука была теплая. Он направился к двери спокойным размеренным шагом; казалось, ему удалось справиться с гневом. Воцарилось молчание. Дело сделано; ничего уже не поправить. Регина понимала, что нико-

гда не забудет звяканья чашки о блюдце, кружок черного кофе в желтом фарфоре.

— Регина, как ты могла?! — спросил Роже.

Голос его дрожал; нежность, веселые искорки в его глазах погасли; это был чужак, судья, Регина осталась одна на всем свете. Она покраснела и возненавидела себя за это.

— Ты ведь знаешь, что я не страдаю излишним благодушием, — медленно выговорила она.

— Но это низкий поступок.

— Согласна.

— Что ты имеешь против Флоранс? Что между вами произошло?

— Да ничего.

Роже смотрел на нее со страдальческим видом.

— Не понимаю, — сказал он.

— А что тут понимать?

— Все же попытайся объяснить мне, — сказал он. — Иначе я буду думать, что ты действовала просто так, по злобе.

— Думай что хочешь! — отрезала она.

Она схватила за руки Анни, которая в полной растерянности смотрела на нее:

— А тебе я запрещаю осуждать меня.

Регина вышла. Снаружи плотное небо давило на город, воздух был недвижим. У Регины хлынули слезы. Будто злоба вообще бывает беспричинной! Будто люди злятся ради собственного удовольствия. Им ни за что не понять, даже Роже не в состоянии понять это! Им все равно, они легковесны, у них нет этой жгучей раны в груди. Я другой породы. Она ускорила шаг; она шла по той узкой улочке, где протекал ручеек. Мальчишки с хохотом гонялись друг за другом вокруг пис-

суара; кудрявая девочка играла в мяч у стенки. Никому не было до нее дела: просто прохожая. «Как они могут смириться? — думала она. — Я не смирюсь». Кровь бросилась ей в лицо. Теперь Флоранс уже все известно, а вечером это разойдется по театру. В глубине их глаз она увидит собственное отражение: завистливая, злая, вероломная. Я окажусь в их власти, и они будут рады возненавидеть меня. Роже, даже он, и пальцем не пошевелит. Он смотрел на нее с разочарованием: вероломная, завистливая, злая.

Она уселась на каменный парапет у канавы; в одном из неказистых домишек пиликала скрипка; ей хотелось заснуть и проснуться очень нескоро и подальше отсюда; она долго сидела неподвижно; внезапно на голову упали капли воды и потекли по лицу, вода ручейка подернулась рябью, начался дождь. Заходить с покрасневшими глазами в кафе не хотелось, возвращаться в отель тоже.

Улица вела на площадь, где высилась застывшая готическая церковь. Церкви она любила, дорожа воспоминаниями детства. Она вошла в церковь, опустилась на колени перед алтарем и стиснула голову руками. «Из глубины сердца я взываю к Тебе, Господи...» Прежде она часто молилась так в тоскливые дни; Бог всегда читал в ее сердце и оправдывал ее; в ту пору она мечтала стать святой, истязала себя, спала на досках. Но на небесах было слишком много избранных, слишком много святых. Бог любил всех людей, но она не могла довольствоваться этой неразборчивой благодатью и перестала верить в Бога. «Нет у меня необходимости в Боге, — подумала она, поднимая голову. — Порицаемая, нечестивая, опозоренная, ну и что, если

я верна самой себе? Я буду верна себе, я сдержу обещание. Я заставлю их обожать меня так страстно, что они станут обожествлять каждый мой жест. И однажды над моей головой воссияет ореол».

Выйдя из церкви, она остановила такси. Дождь не прекращался, и на сердце стало удивительно свежо и спокойно. Ей удалось победить свой стыд, она сказала себе: я одна, я сильна и делаю все, что захочу. Я докажу, что их любовь — это только обман, докажу Флоранс, что я существую. Пусть меня презирают, пусть ненавидят: я победила.

Когда она вошла в холл отеля, уже почти стемнело; она вытерла о коврик мокрые ноги и посмотрела в окно; косой дождь падал на лужайку и посыпанные гравием аллеи; мужчина по-прежнему лежал в своем шезлонге, он не двинулся с места. Повернувшись к горничной, которая несла в обеденный зал стопку тарелок, Регина спросила:

— Бланш, вы видели?

— Что? — спросила та.

— Один из постояльцев заснул под дождем. Он схватит воспаление легких. Надо заставить его вернуться в отель.

— А! Да вы попробуйте заговорить с ним, — сказала рыжеволосая Бланш. — Можно подумать, он глухой. Я хотела было его растормошить, кресло-то может размокнуть под дождем. Он на меня даже не взглянул. — Покачивая головой, она добавила: — Станный тип...

Ей хотелось поговорить, но у Регины не было желания слушать ее. Открыв дверь, ведущую в сад, она направилась к мужчине.

— Вам нужно вернуться в отель, — сказала она мягко. — Разве вы не заметили, что пошел дождь?

Он повернул голову и взглянул на нее, на этот раз она поняла, что он ее видит.

Она повторила:

— Нужно вернуться в отель.

Он посмотрел на небо, потом на Регину; веки его заморгали, будто свет, еще остававшийся на закате, ослепил его; казалось, что ему больно.

Она сказала:

— Пойдемте, иначе вы заболаете!

Он не двинулся с места. Она замолчала, а он продолжал слушать, будто слова доходили до него издали и требовалось громадное усилие, чтобы уловить их. Его губы шевельнулись.

— О, это не страшно, — проговорил он.

Регина повернулась на правый бок, она уже проснулась, но решила не вставать с постели; было всего одиннадцать часов, и она не понимала, как убить те длинные дневные часы, что отделяли ее от вечера. В окно виднелся кусочек сияющего неба, очистившегося от туч: гроза сменилась хорошей погодой. Флоранс не стала ее упрекать, она не любила устраивать сцен; и Роже вновь начал улыбаться. Казалось бы, ничего не произошло. Да и вправду никогда ничего не происходило. Она вздрогнула:

— Кто там?

— Это горничная пришла забрать поднос, — сказала Анни.

Горничная вошла и взяла со столика поднос.

— Погода нынче славная, — скрипучим голосом произнесла она.

— Похоже на то, — откликнулся Роже.

— Знаете, тот псих из пятьдесят второго номера торчал в саду до самой ночи, — продолжила горничная. — А утром появился снова в насквозь промокнушей одежде, он даже не переоделся.

Подойдя к окну, Анни выглянула наружу:

— А давно он поселился здесь?

— Около месяца. Едва взойдет солнце, он спускается в сад и сидит до самой ночи. Он даже не расстилает постель, перед тем как лечь.

— Где же он ест? Может, ему приносят еду в номер? — спросила Анни.

— Ни разу, — ответила горничная. — За весь месяц он ни шагу не ступил за порог гостиницы, и никто его не навещал. Можно подумать, что он вообще ничего не ест.

— Может, он йог? — предположила Анни.

— Тогда, возможно, у него в номере есть запас продуктов, — предположила Регина.

— Ничего такого я не видала, — заметила горничная.

— Он их прячет...

— Наверное.

Горничная с улыбкой удалилась. Анни выглянула в окно, потом, обернувшись, сказала:

— Хотелось бы мне знать, есть ли у него еда в номере.

— Вполне возможно.

— Мне хочется проверить, — сказала Анни.

Она внезапно вышла из комнаты, Регина, зевнув, потянулась, потом с отвращением оглядела меблировку в сельском стиле, стены, затянутые светлым кретоном. Она ненавидела эти безликие гостиничные номе-

ра, где побывало столько людей, не оставивших после себя никаких следов, и где не останется и следа от нее. «Все будет выглядеть точно так же, а меня здесь не будет. Это и есть смерть», — подумала она. Если бы хотя бы в воздухе оставался отпечаток и порыв ветра наталкивался бы на него, но нет — ни складок, ни отметин. На этой кровати будет лежать другая женщина... Регина отбросила одеяло. Дни ее скрупулезно отмерены, нельзя терять ни минуты, а она застряла в этой убогой провинции, где остается лишь убивать время — время, что умирает так быстро. «Эти дни не в счет, — подумала она. — Они вроде бы мною и не прожиты. Двадцать четыре умножить на восемь — это будет запас в сто девяносто два часа, который следует добавить к той поре, когда времени ни на что не хватает...»

— Регина, — позвала Анни, появившись на пороге номера с таинственным видом.

— Что такое?

— Я сказала им, что забыла ключ в номере, и попросила у портье специальную отмычку, — сообщила Анни. — Пойдемте со мной к йогу. Посмотрим, есть ли там продукты.

— До чего же ты любопытна! — сказала Регина.

— А вы что, уже нет? — парировала Анни.

Подойдя к окну, Регина выглянула наружу, разглядывая неподвижно лежащего человека. Ее вовсе не интересовало, ест он или нет. Тайна его взгляда — вот что ей хотелось разгадать.

— Пойдем, — настаивала Анни. — Разве вы не помните, как было забавно, когда мы обшаривали домишко в Розэ?

— Сейчас иду, — сказала Регина.

— Это номер пятьдесят два.

Регина последовала за Анни по длинному пустынному коридору.

Анни вставила ключ в замок, и дверь отворилась. Они вошли в номер: мебель в сельском стиле, стены затянуты светлым кретоном. Ставни затворены, шторы задвинуты.

— Ты уверена, что это его комната? — спросила Регина. — Непохоже, чтобы здесь кто-то жил.

— Номер пятьдесят два, точно, — заверила Анни.

Регина медленно повернулась, оглядывая комнату. Не было видно никаких следов человеческого присутствия: ни книги, ни листка бумаги, ни окурка. Анни раскрыла нормандский шкаф: там было пусто.

— Где же он хранит продукты? — растерянно спросила она.

— Может, в ванной? — предположила Регина.

Тут точно кто-то бывал. На раковине лежали бритва, кисточка для бритья, зубная щетка, мыло; бритва была обычной, мыло самое что ни на есть настоящее, это были нормальные, внушающие доверие предметы. Регина потянула дверцу шкафа. На полке было сложено белье, на плечиках висела фланелевая куртка. Она полезла в карман.

— Это уже интересно, — заметила она, вынимая руку: на ладони лежала пригоршня золотых монет.

— Господи боже! — воскликнула Анни.

В другом кармане был листок бумаги — справка из психиатрической больницы департамента Нижняя Сена. Мужчина, как оказалось, страдал амнезией. Он назвался Реймоном Фоска. Не были известны ни место рождения, ни его возраст, месяц назад его выписали из больницы, сколько времени он там провел, не уточнялось.

СИМОНА ДЕ БОВУАР

ВСЕ ЛЮДИ СМЕРТНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BRM-38924-01-R